

ГЛАВА ВТОРАЯ

Детство команданте

Высокий, стройный, в неизменном темно-оливковом френче и фуражке цвета хаки, с легендарной бородой — таким помнит Фиделя не одно поколение людей во всем мире.

Бытует мнение, что формирование личности Фиделя Кастро произошло в студенческие годы, когда за считанные месяцы подававший большие надежды будущий юрист ступил на путь революционной борьбы.

Но, изучая детские и юношеские годы кубинского лидера, я поражался тому, что уже в ребенке начали формироваться качества, которые спустя десятилетия станут частью огромной глыбы, особой планеты под названием «Кастро»: неприятие любой формы несправедливости, упрямство, несокрушимое желание идти к победе до конца, вера в праведность своего дела, неприятие проигрышей и поражений, феноменальная память.

На первый взгляд, в Фиделе было больше отцовского. Даже внешнее сходство. Точнее, в нем больше были выражены отцовские несгибаемость, упорство, умение идти напролом, нежели материнские мягкость, мудрость и терпение. Действительно, от дона Анхеля Фидель унаследовал предприимчивость, силу воли и храбрость, стремление покорять новые высоты и, не считаясь с преградами, идти вперед. В рабочем кабинете Фиделя висела

большая фотография отца в простой рубашке, пожилого, умудренного жизнью фермера.

Анхель Кастро Архиз (у всех испанцев две фамилии — первая — отца, вторая — матери. — М. М.) родился 8 декабря 1875 года на севере Испании, в отсталой малоземельной Галисии, в семье очень бедных крестьян. В 11 лет Анхель Кастро остался без матери, после чего его отец, дед Фиделя, женился вновь. Отношения с мачехой сразу не заладились, и детство Анхеля было крайне сложным, даже мучительным. В 17 лет Анхеля призвали на военную службу. В 1895 году, когда ему исполнилось двадцать лет, он был отправлен воевать на Кубу. Сам Фидель говорил, что отец никогда не рассказывал ему об этом.

После войны Анхель вернулся в родную Галисию. Испания, изможденная войной, переживала тяжелейший экономический кризис и была в то время одной из беднейших стран Европы, а Галисия плелась в хвосте самых отсталых провинций. Бал в стране правили помещики и чиновники, на стороне которых было духовенство. Это стало настоящим потрясением для Анхеля, истового католика. Все чаще он вспоминал Кубу с ее малозаселенными плодородными землями, остров, где жили простые, отзывчивые люди. И уже через год после возвращения с войны он принял решение вместе с несколькими товарищами-галисийцами снова уехать на Кубу.

В декабре 1899 года эмигранты высадились на острове. Гонсало, родной брат Анхеля и дядя Фиделя, продолжил путь дальше и впоследствии осел в Аргентине.

Североамериканские плантаторы, новые хозяева острова, развили бурную деятельность, захватывая наиболее плодородные земли. Они активно занимались вырубкой леса и разбивали плантации сахарного тростника. Древесина от вырубки использовалась в качестве горючего на сахароперерабатывающих заводах. Американцы внедряли на сахарных заводах передовые по тем временам технологии, что приводило к сокращению рабочих мест.

Анхель Кастро отправился в один из самых бедных и пока что относительно не освоенных районов Кубы, в провинцию Орьенте. У него не было ни денег, ни связей, ни образования, но было огромное желание вырваться из нищеты. Первым местом его

работы стали шахты Пануто и Дайкири. Ему потребовалось немало времени, чтобы понять: на Кубе можно выбраться из нищеты, только если иметь отношение к «земле и сахару». Молодому человеку удалось устроиться на сахарный завод американской фирмы «Юнайтед фрут компани», которой к тому времени принадлежала уже четверть (!) обрабатываемых земель острова*. Освоившись, Анхель попал в артель рабочих, строивших транспортную ветку, по которой срубленный тростник доставлялся на переработку. В артели он вскоре стал неформальным лидером.

Как и все галисийские эмигранты, Анхель Кастро был трудолюбив. Но его отличали большая сила воли и жесткий характер. Вскоре на паях со своим товарищем, таким же галисийским эмигрантом, он открыл небольшую закусочную для рабочих (чтобы вложиться, ему пришлось экономить на всем). На вырученные деньги он купил несколько быков. Парнокопытные на Кубе были в то время основным транспортным средством. Быки перевозили сахарный тростник с плантаций на заводы по производству сахара. А спустя еще немного времени Анхель Кастро собрал под своим началом группу рабочих, которые начали выполнять подряды по контракту с той самой американской фирмой, на заводе которой он начинал свою «сахарную» карьеру.

За короткое время бригада Анхеля Кастро увеличилась до трехсот человек. Под его началом работали в основном эмигранты: испанцы, выходцы с Гаити, Антильских островов и Ямайки. Позже самых трудолюбивых из них дон Анхель Кастро возьмет к себе на работу в усадьбу в Биране, и их чернокожие дети станут первыми друзьями Фиделя и его братьев.

Поднакопив денег, Анхель наконец-то мог приступить к реализации своей давней мечты — обзавестись земельными угодьями. Ему удалось приобрести 900 гектаров в провинции Орьенте, а также арендовать два соседних участка земли, несколько тысяч гектаров, принадлежавших отставным кубинским генералам, принимавшим участие в последней колониальной войне. Таким образом, Анхель Кастро поднялся еще на одну ступеньку социальной лестницы. Теперь он попал в разряд «колона» — землевладельца, который выращивал на своих и арендованных

* С годами эта компания стала самой крупной американской монополией на Кубе.

землях сахарный тростник. Он приобрел усадьбу, на Кубе именуемую «финка». Значительную часть поместья «Манакас» занимали не плантации тростника, а деревья, которые еще предстояло вырубить. В итоге тростник на этих землях начал давать такие обильные урожаи, что соседние сахарные заводы, простаивавшие из-за недостатка сырья, заработали на полную мощность. «В усадьбе основной культурой был сахарный тростник, а вторым по важности было животноводство, потом уже шли другие культуры, — рассказывал Фидель Кастро известному бразильскому теологу и философу Фрею Бетто (настоящее имя — Карлуш Алберту Либаниу Христу). — Поля сахарного тростника подходили к железнодорожной ветке, по которой тростник перевозили на сахарный завод».

Впрочем, не «Манакасу», а другому поместью — «Сабанильясу» в Биране — суждено было стать «родовым гнездом» Кастро. Это место, в отличие от других угодий дона Анхеля, было более живописным. Помимо хвойных пород, там росли кокосовые и апельсиновые деревья. Именно в «Сабанильяс» был построен дом в весьма необычном для Кубы галисийском стиле, где 13 августа 1926 года родился будущий лидер Кубинской революции. Дом стоял на сваях, которые делались из очень твердой древесины, на эти сваи стелили пол. Участок земли был под уклоном, а сваи позволяли не выравнивать местность при закладке фундамента. Над главным, квадратным, помещением был еще один этаж, который называли башней, — там спали дети. Внизу образовалось довольно большое пространство, которое дон Анхель оборудовал под коровник. Фидель вспоминал, что туда вечерами отец загонял по 20–30 коров. (Дом в Биране сгорел в 1954 году и был восстановлен по фотографиям и воспоминаниям четверть века спустя.) «...Метрах в шестидесяти от дома и недалеко от пекарни стояла начальная школа, за большим развесистым деревом помещалась лавка, наш торговый центр, который тоже принадлежал нашей семье, а напротив лавки были почта и телеграф. Это были основные постройки», — описывал свое «родовое гнездо» Фидель Кастро.

К тому моменту, когда родился Фидель, Анхель Кастро Архиз, разменявший шестой десяток, стал крупным латифундистом: он владел десятью тысячами гектаров земли, включая

арендованную. Пастбища в Биране считались одними из самых лучших в провинции Орьенте. Это позволило дону Анхелю развести около трех тысяч голов крупного рогатого скота, в то время как его соседи использовали свои земли только для культивирования тростника и постройки сахарных заводов. Именно у отца будущий революционер перенял способность идти вперед к осуществлению своей мечты, невзирая ни на какие трудности.

В Биране проживало около тысячи человек, большинство которых составляли выходцы из бедных латиноамериканских стран. Главным их развлечением, которое хоть как-то скрашивало беспросветное существование, были петушинные бои, проводившиеся в Биране по воскресеньям, на Рождество и во время новогодних праздников. «В праздничные дни там собирались любители петушинных боев, некоторые приносили своих петухов, другие просто делали ставки, — вспоминал Фидель. — Многие бедняки теряли все свои скромные средства, если проигрывали, а если выигрывали, то немедленно спускали всё без остатка, пропивали, проматывали».

Фактически все объекты в Биране, за исключением маленькой начальной школы и почты, находились в собственности дона Анхеля Кастро. Вполне естественно, что отец Фиделя пользовался непререкаемым авторитетом и был самым уважаемым человеком. Впоследствии многие поражались метаморфозе: сын крупного сельскохозяйственного буржуа стал самым главным революционером на Кубе. В 2005 году на форуме «Диалог цивилизаций» в Гаване, куда было приглашено много российских гостей, Фидель Кастро произнес многочасовую речь, в которой сообщил немало подробностей о своей жизни. В частности, он сказал: «...когда Карл Маркс говорил, что частная собственность существует только при условии, что ее нет у девяти десятых населения, я мог это понять, поскольку родился в месте, где моему отцу принадлежало все». При этом Анхель Кастро никогда не отказывал в помощи людям, которые обращались к нему. Он принимал на работу эмигрантов, которым отказывали в трудоустройстве другие землевладельцы.

В отличие от своей супруги дон Анхель не был религиозным человеком. «Можно сказать, что этого почти не было, — вспоминал Фидель. — Я не мог бы даже ответить на вопрос, был ли

он на самом деле верующим. Моя мать — да, помню, она была очень религиозной женщиной, и моя бабушка тоже».

Мать Фиделя, крестьянка Лина Рус Гонсалес, была моложе дона Анхеля на 28 лет и работала кухаркой в его поместье. Правда, в ряде источников говорится, что она была горничной первой жены дона Анхеля. Фидель не любил рассказывать о знакомстве его отца и матери. Известно, что дон Анхель встретил свою будущую жену, молодую крестьянку, недалеко от имения, когда искал свою пропавшую лошадь. Девушка бедная, но волевая, она стала второй женой Анхеля Кастро. К слову, многолетний брачный союз дона Анхеля и доны Лины официально был зарегистрирован только 26 апреля 1943 года. Уже после того, как все их дети пошли в школу. Первой супругой дона Анхеля была бывшая школьная учительница Мария Луиса Арготе Рейес. Она родила ему пятерых детей, из которых в живых осталось только двое — Лидия и Педро Эмилио. Ситуация с младенческой смертностью в те годы на Кубе была просто катастрофической, и во все не случайно одним из первых шагов Кастро, когда он придет к власти, станет борьба с неграмотностью и детской смертностью. Дети от второго брака дона Анхеля, по признанию самого Фиделя, хорошо ладили с братом и сестрой. Именно с Лидией Фидель постоянно переписывался, когда находился в тюрьме после неудачного штурма казарм Монкада.

Полное имя команданте включает в себя фамилию отца и девичью фамилию матери и на самом деле звучит Фидель Алехандро Кастро Рус, а не Фидель Кастро Рус, как его часто представляли официально. Второе, «дополнительное», имя — Алехандро, которое он добавил себе сам, — является знаковым для Фиделя. Это был его псевдоним в 1950-е годы во время революционной борьбы. Кастро восхищался Александром Македонским: величайший полководец, наряду с Линкольном, являлся его любимым историческим персонажем. Примечательно, что имена всех пяти сыновей Фиделя от второго, не афишируемого, брака начинаются также на А.

Лина Рус была кубинкой, родилась на западе острова в провинции Пинар-дель-Рио, в семье бедных крестьян. Ее отец возил сахарный тростник на буйволах. В самом начале XX века он со своей женой, дочкой и двумя сыновьями, также возчиками

тростника, перебрался в провинцию Орьенте, где и обосновался. И мама Фиделя, и его бабушка по материнской линии действительно были очень набожными. Фидель вспоминал, как после победы революции в 1959 году приезжал в Биран их провести. «Обе были дома, — рассказывал он. — Бабушка болела, и комната была полна изображений святых, обвешанных дарами (речь, по всей видимости, идет о традиционных на Кубе оберегах и талисманах. — М. М.). Весь этот период борьбы, больших опасностей и моя мать, и моя бабушка давали самые разнообразные обеты, молясь за нашу (с Раулем. — М. М.) безопасность, и тот факт, что мы прошли через эту борьбу и остались в живых, несомненно, должен был укрепить их веру. <...> Хотя мое мировоззрение было иным, я никогда в жизни не спорил с ними на эти темы, потому что видел, какой опорой служили им религиозные чувства и вера, какие духовные силы, какое утешение они давали. Конечно, это была не строгая догматическая вера, а вера, им свойственная, семейная, традиционная, очень прочувствованная и глубокая, — такими были их чувства».

У дона Анхеля и Лины Рус родилось семеро детей: Анхела, Рамон, Фидель, Рауль, Хуанита, Эмма и Агустина. Хуанита не приняла революцию и в 1964 году эмигрировала в США, в Майами, где живут большинство выходцев с Кубы. После ее отъезда Фидель разорвал с сестрой всякие отношения. Кстати, Хуанита позже призналась, что еще за три года до отъезда с острова, с 1961 года, начала сотрудничать с ЦРУ.

Пять первых детей, включая Фиделя (третий) и Рауля (четвертый), считались незаконнорожденными: они появились на свет, когда отношения дона Анхеля и Лины Рус еще не были скреплены узами брака. Родители почти никогда не ходили в гости и очень редко принимали гостей у себя дома — они все время работали. Зато дети дона Анхеля и Лины Рус охотно общались с окружающими. Родители никогда не говорили им: «Дружи с тем, не дружи с этим». Они предоставляли детям много возможностей для саморазвития.

Лина Рус была неграмотна и, как и Анхель, выучилась грамоте самостоятельно. Именно она привила маленькому Фиделю любовь к чтению. Несмотря на малообразованность и хрупкость, она олицетворяла собой житейскую мудрость и основательность.

Лина была трудолюбива, прекрасно готовила, хорошо разбиралась в народной медицине. Соседи удивлялись, откуда у такой внешне хрупкой женщины столько энергии, как она успевает работать по дому, ухаживать за мужем и воспитывать детей. Как мать она была довольно строгой, требовала от детей соблюдения порядка, дисциплины и гигиены. В те годы на острове свирепствовали инфекционные болезни, самой распространенной и опасной была желтая лихорадка. Нередко по возвращении домой ее отпрыски получали не только «дежурный подзатыльник», но и порцию народных средств, с тем чтобы промыть желудок. На одном из снимков из архива семьи Лина Рус в очках с весьма суровым видом держит в руках винтовку. Говорят, когда дети запаздывали вернуться домой, выстрел «доброй мамы Лины» служил им сигналом возвращения в усадьбу.

Дом Кастро был полон изображений Пречистой Девы Милосердной, покровительницы Кубы, Иисуса Христа, святого Иосифа, других святых католической церкви. Как и положено христианке, Лина Рус молилась с четками, повторяя по кругу «Аве Мария» и «Отче наш». Молилась «истово, каждый день, всегда зажигая свечи перед Пречистой Девой». Она просила святых, вспоминал Фидель Кастро, «молила при всех обстоятельствах, давала обеты, когда в семье кто-то заболел. И в каждом трудном случае не только давала обеты, но и выполняла их. Таким обетом могло быть, скажем, посетить храм Пречистой Девы Милосердной и поставить свечу, передать для кого-то определенную помощь, что бывало очень часто». До того как ее дети, ставшие во главе новой Кубы, объяснили ей истинный смысл своей борьбы, Лина Рус считала революционеров и коммунистов чем-то вроде «нечистой силы». Однажды Рауль исчерпал все доводы, убеждая ее в обратном. «Мама, как ты считаешь, я похож на тот образ, о котором вам прожужжали уши?» — спросил он. Лина ответила: «Ну что ты говоришь, сын!» — «Так вот, я и есть настоящий коммунист!» «Мама была в шоке», — смеясь, закончил Рауль.

На Кубе ходила легенда о том, что в детстве тяжелобольного Фиделя спасли местные колдуны-сантеро, последователи языческой веры, завезенной на Карибы африканцами. Дескать, они попросили защиты для мальчика у бога войны Аягуна, который и взял будущего вождя под свое покровительство.

Информация о том, что Фидель действительно был «заговорен» в детстве, в возрасте шести лет, когда медики, разведя руками, отказались его лечить, повторяется в различных интерпретациях в нескольких источниках. Действительно, несколько человек из тех, кто покушался на Фиделя и уже держал его на мушке, по необъяснимым причинам вдруг отказывались от своих планов. Одному из них, который собирался выстрелить в команданте с расстояния полуметра, Фидель, усмехнувшись в лицо, бросил фразу: «Никто не может меня убить!» — после чего развернулся и спокойно пошел в другую сторону*.

Анхель Кастро Архиз умер 21 октября 1956 года, через два месяца после того, как Фиделю исполнилось тридцать лет. Анхель Кастро внимательно следил за Гражданской войной в Испании, развернувшейся в 1936 году, однако идеи испанских республиканцев не поддерживал — он был сторонником испанского диктатора Франко. В дом Кастро довольно часто заглядывали разного рода проходимцы, которые пытались выбить у дона Анхеля деньги на липовые политические кампании или заказные статьи. На выборы дон Анхель давал действительно большие по тем временам суммы. А политики пользовались тем, что старшему Кастро не составляло труда убедить сотни рабочих, трудившихся у него в усадьбе, проголосовать за нужного кандидата.

Фидель чтит своего отца, считал его очень умным, предприимчивым человеком. Дон Анхель, услышав знаменитую речь Фиделя «История меня оправдает», писал сыну в тюрьму и дождался его триумфального выхода из застенков, но до победы Кубинской революции, к сожалению, не дожил. Впрочем, неизвестно, какой была бы его реакция на то, что свершили Фидель и Рауль, придя к власти: Фидель издал декрет о передаче народу земли, и в первую очередь угодий, которые его отец нажил буквально потом и кровью. Когда революция победила, он, выступая на телевидении, заявил, что является сыном землевладельца, эксплуататора. В результате мать Фиделя, его брат Рамон, а также сестры Анхела и Агустина были вынуждены спешно уехать

*

Легендарный Габриэль Гарсиа Маркес однажды обронил фразу по поводу «заговоренности» своего друга: «Существует какой-то особый фактор, ускользающий от компьютеров ЦРУ. Возможно, здесь существует какая-то карибская магия».

из Бирана. А Хуанита, как говорилось выше, и вовсе покинула страну.

Фидель рассказывал Фрею Бетто о том, как его крестили. По его словам, до этого момента у него... вообще не было имени. В те годы крещение было очень важной церемонией на Кубе. Помимо высокой детской смертности продолжительность жизни кубинцев в сельской местности была крайне низкой. В крестьянских семьях считали, что крестный — это второй отец ребенка, который поможет ему, если родной отец умрет. В качестве крестника детям подыскивали не только надежных, но и обеспеченных людей. И нередко давали детям имена таких людей. Для Фиделя в качестве крестного подыскивали друга его отца, миллионера — это при том, что дневной заработок кубинского рабочего был меньше доллара. Потенциального крестного звали Фидель. «Никак не получалось, чтобы тот богач и священник приехали в Биран одновременно, и в результате, в ожидании этого события, я жил некрещеным, и, помню, меня называли евреем — “худио”. Говорили: “Это еврей”. Мне было четыре-пять лет, и меня порицали, говоря, что я еврей. Я не знал, что такое еврей, но несомненно, мне говорили это в укор, было вроде как стыдно жить некрещеным, хотя я тут был совсем не виноват». В итоге среди всех братьев и сестер его крестили самым последним. Это произошло, когда Фидель уже уехал из Бирана в Сантьяго-де-Куба. Любопытно, что имя Фидель на испанском языке перекликается с двумя ключевыми понятиями: «фе» — вера и «фиделидад» — верность. «Одни верят в Бога, у других — иная вера, но я всегда был человеком, полным веры, доверия, оптимизма», — говорил Фидель Кастро Бетто.

Родители, которые весь день были заняты работой, отдали Фиделя, Рамона и Анхелу в общественную школу Бирана, куда ходили 15–20 детей. Первого сентября 1930 года четырехлетний Фидель впервые пришел на занятия, но не как ученик, а просто за компанию с братом и сестрой. Дети донна Анхеля были единственными из обеспеченной семьи, остальные — из семей бедняков. Фиделя посадили за первую парту, и он внимательно слушал и запоминал все, что говорила учительница Эуфросия Фелию. Она часто приходила к Кастро домой, оставалась обедать вместе с семьей и хвалила Фиделя. Пятого января 1932 года